

УДК 81'42

UDC 81'42

Исаакян Егине Цолаковна
Ширакский государственный университет
г. Гюмри, Армения
Heghine Ts. Isahakyan
Shirak State University
Gyumri, Armenia
heghineisahakyan@mail.ru

МЕЖТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. ФАУЛЗА INTERTEXTUAL TIES IN J. FOWLES' WORKS

Аннотация

Несмотря на многочисленные работы, посвящённые творчеству выдающегося британского философа и прозаика Дж. Фаулза, его сборник философских эссе и афоризмов «Аристос» остаётся мало изученным в мировом литературоведении. Между тем, он является своего рода наброском ко всему его дальнейшему творчеству, глубинное понимание которого в целом во многом зависит от понимания «Аристоса». «Аристос» – это большая концептуальная метафора, которая развёртывается в разных произведениях Дж. Фаулза. Анализ базовых концептов, актуализированных в «Аристосе», позволяет понять концепцию и когнитивную базу всего творчества писателя. В данной статье через концепт «богатство» иллюстрируется межтекстовая связь между романом «Волхв» и книгой «Аристос». Результаты анализа показали, что концепт «богатство» в «Аристосе» актуализируется при помощи частей речи с контрастной семантикой. Так, существительное *pursuit* использовано в тексте в положительном (стремление) и в отрицательном (погоня) значениях. Бесчестная погоня за деньгами превращается в благородное стремление. Лексема *possess* употребляется в разных грамматических формах, переходя от положительного значения к отрицательному. Изучаемый концепт в основном раскрывается через концептуальную метафору: деньги – это потенциальная возможность, контроль над случайностью, свобода выбора, власть. В концепте «богатство» автор различает две основные стороны: 1) подлинное, настоящее богатство – красоту, ум, силу воли, здоровье; 2) напускное, фиктивное – деньги. Эти мысли Дж. Фаулз обобщает в романе «Волхв» в очень маленьком отрывке текста, где при помощи концептуальной метафоры он сжато передаёт всю информацию, заложенную в «Аристосе»: богатство – чудовище, поскольку оно отнимает у человека самое дорогое – драгоценные годы, потраченные на то, чтобы понять фальсификацию предназначения денег.

Abstract

Despite numerous studies of works written by an outstanding British writer and philosopher J. Fowles, the collection of philosophical essays “The Aristos” has received little attention of researchers, whereas it is a kind of sketch for all his further works whose deep understanding largely depends on “The Aristos”. The latter functions as a big conceptual metaphor revealed in all his further works. Analyzing basic concepts actualized in “The Aristos” one can penetrate into the depth of the author’s conceptual system. The current article aims to illustrate intertextual ties between “The Aristos” and “The Magus”. The results of this study show that the concept “wealth” is actualized in “The Aristos” by means of multiple usage of polysemantic words. Thus, the noun *pursuit* is used both in its positive (endeavour) and negative (chasing) meanings. Dishonorable pursuit of money is modified into honorable pursuit and aspiration. The lexeme *possess* is used in different grammatical forms expressing at first, a positive meaning and then gradually changing it into a negative one. The concept is mainly disclosed via the corresponding conceptual metaphor of money as an opportunity, money as control over accidents and coincidences, money as a freedom to choose, money as power. J. Fowles discloses two opposite aspects in the concept: (i) genuine wealth – beauty, intelligence, strong will, health, (ii) false wealth – money. These ideas are generalized within a very small passage in the novel “The Magus” and conveyed by conceptual metaphor found in “The Aristos”: wealth is a monster as it takes one's precious years to understand the falsification of its true value.

Ключевые слова: концепт «богатство», межтекстовые связи, концептуальный анализ, слова контрастной семантики, концептуальная метафора.

Keywords: concept of wealth, intertextual ties, conceptual analysis, words with contrastive meanings, conceptual metaphor.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_3_52_60

1. Введение

Дж. Фаулз выдающийся британский философ и прозаик привлекал и продолжает привлекать внимание литературоведов, лингвистов, кинематографистов и искусствоведов. Его работы представляют большой интерес для исследования прежде всего своим богатым арсеналом языковых средств. Несмотря на многочисленные работы, адресованные творчеству Дж. Фаулза, философские эссе сборника «Аристос», принесшие автору международное признание, мало изучены в мировой литературе. Между тем, сборник является как бы началом, наброском всего его дальнейшего творчества и связующим звеном между читателем и остальными произведениями автора. Идеи, высказанные в нём, развиваются в других произведениях Дж. Фаулза. Достаточное количество исследований [Дроздова, 2015 ; Руденко, 2017 ; Акатова, 2015 ; Ярыгина, 2013 ; Аминева, 2011 ; Темкина, Залеская, 2017 и др.] посвящено изучению интертекстуальности в произведениях Дж. Фаулза, прежде всего, потому что он является ярким представителем постмодернистской литературы, для которой характерны интертекстуальные связи с другими произведениями. Однако следует отметить, что межтекстовые связи философских эссе «Аристос» с другими произведениями автора практически не попадали в центр внимания учёных¹, что и послужило мотивом для настоящего исследования.

«Аристос» был написан автором в юные годы. Вначале он хотел назвать его «Автопортрет в идеях», затем передумал и назвал «Аристос». Название взято из древнегреческого и означает «наилучший в данной ситуации». Идеи, затронутые Дж. Фаулзом в «Аристосе», раскрываются в других произведениях. «Аристос» является смысловым претекстом для всего его творчества. Это основа фаулзовской философии. Комплексный анализ базовых концептов, рассмотренных в «Аристосе», позволяет реконструировать языковое сознание автора, сделать определённые выводы о его языковых и когнитивных предпочтениях и тем самым проникнуть в авторское мировидение. Глубинное понимание его творчества в целом во многом зависит от «Аристоса». Сам автор придаёт большое значение этому произведению. В интервью с Даниэлом Гарпером он говорит: ««Аристос» – трудная книга. Я надеялся, что люди будут читать маленькими отрывками, но я понял, что люди больше не читают такие книги» [Halpern, 1999, с. 21].

«Аристос» – это большая концептуальная метафора², которая развёртывается в разных его произведениях. Здесь автор выражает собственное мнение по ряду вопросов, касающихся человечества в целом: о смысле жизни, о границах человеческих возможностей, о проблемах эволюции, о свободе и об ответственности за свой выбор. Концептуальный анализ базовых концептов, актуализированных в «Аристосе», позволяет понять концепцию и когнитивную базу всего творчества писателя.

---

¹ За исключением, пожалуй, магистерской диссертации Карин Хайвинг [Hyving, 2007], в которой были раскрыты теории Эдемского Сада и Адама и Евы в «Аристосе» и других произведениях Дж. Фаулза, где представлена яростная критика христианского символизма.

² Напомним, что теория концептуальной метафоры была предложена и разработана Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном. Начало было положено в статье 1980 года [Lakoff, Johnson, 1980 a]. В этом же году выходит и сама монография авторов [Lakoff, Johnson, 1980 b].

В данной статье иллюстрируется межтекстовая связь между романом «Волхв» и философскими эссе «Аристос» через концепт «богатство».

2. Лингво-когнитивные особенности концепта «богатство» в философских эссе «Аристос» и в романе «Волхв»

В философских эссе «Аристоса» Дж. Фаулз достаточно глубоко рассматривает концепт «богатство».

Nothing differentiates more than wealth; nothing similarizes more than poverty. That is why we all want to be rich. We want to be different. Only money can buy both security and the variety we need. The dishonourable pursuit of money thus becomes also the honourable pursuit of both variety and security [Fowles, 1981 a, p. 119].

В данном абзаце автор раскрывает концепт «богатство» отрицательным параллелизмом *Nothing differentiates more than wealth; nothing similarizes more than poverty*, где данный концепт сопоставляется с концептом «бедность». Ядром концептуальной информации являются контрастные по значению глаголы *differentiate* 'различать(ся), отличать(ся)' и *similarize* 'уподоблять(ся)'. Глагол *differentiate* дополняется также деривативами *variety* и *different*. Отсутствие денег приводит к «однообразию», а наличие денег – к «разнообразию». Разнообразие – это главная заслуга богатства. Люди хотят быть богатыми именно потому, что деньги – это путь, доступ к разнообразию и безопасности. Ведь ничто не делает людей такими несхожими, как богатство, и ничто не делает их такими схожими, как бедность.

Автору свойственно многократное употребление многозначных слов в одном предложении или контексте. В данном случае это лексема *pursuit*, которая употребляется в семантической группе с прилагательными *dishonourable* 'бесчестный' и *honourable* 'благородный, истинный'. Лексема *pursuit* употребляется в разных значениях. В словосочетании *dishonourable pursuit of money* лексема *pursuit* имеет отрицательную семантику 'бесчестная погоня за деньгами', а в словосочетании *honourable pursuit of both variety and security* она приобретает иное, коннотативное значение – 'стремление', точнее, 'благородное стремление к разнообразию и безопасности'. Благодаря прилагательному *honourable* происходит переоценка значения от отрицательного к положительному.

Фактически, существительное *pursuit* в рамках одного контекста употребляется и в положительном (стремление), и в отрицательном (погоня) значениях (*The dishonourable pursuit of money thus becomes also the honourable pursuit of both variety and security*). Поскольку только деньги могут купить разнообразие и безопасность (*Only money can buy both security and variety*), то деньги, с одной стороны – бесчестная погоня, с другой – благородное стремление к разнообразию и безопасности. Противоречивые концептуальные метафоры создают сущность концепта «богатство». Далее для рассмотрения концепта «богатство» автор опять употребляет концептуальную метафору как основное средство для выражения концептуальной картины мира.

Money is potentiality; is control of, and access to, hazard; is freedom to choose; is power. The rich once thought they could buy their way into heaven; now heaven has moved to the here and now. But the rich man has not changed and his belief that he can still buy his way into heaven-on-earth seems proved [Fowles, 1981 a, p. 119].

В данном абзаце благодаря концептуальным метафорам (*Money is potentiality* 'Деньги – это потенциальная возможность'; *Money is control of, and access to, hazard* 'Деньги – это контроль над случайностью и доступ к ней'; *Money is freedom to choose* 'Деньги – это свобода выбора'; *Money is power* 'Деньги – это власть') автор передаёт всю мощь, силу концепта «богатство», где его индикатором является лексема *money*. Таким образом, деньги – это и власть, и свобода выбора, и потенциальная возможность, и да-

же контроль над случайностью, и доступ к ней. Здесь особое внимание привлекает концептуальная метафора *Money is control of, and access to, hazard*, где актуализаторами концептуальной информации являются предлоги *of* и *to*. Дж. Фаулз придаёт большое значение случайности, более того, он считает, что случайность управляет нашим существованием. А деньги обладают такой властью, что могут служить средством, доступом к случайности и даже контролировать её. Отсюда следует, что деньги, по большому счёту, управляют нашим существованием.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что деньги – это путь, доступ в рай, но не в царство небесное, а в рай земной. Рай переместился на землю. Примечательно употребление существительного *heaven*, которое является одним из ключевых слов концепта «богатство». Кроме значения 'царство небесное, рай', оно употребляется также в своём другом значении – блаженное место. Лексема *heaven* употребляется в окружении с наречиями места *the here* и времени *now*, которые вместе создают новое семантическое поле для концепта «богатство». Здесь особый смысл приобретает словосочетание *the here and now* 'здесь и сейчас', которое идентифицируется определённым артиклем. Наречия места и времени *here* и *now* употреблены вместе и имеют глубинное коннотативное значение. Деньги становятся средством приобретения желанного – немедленно, спонтанно, в тот же момент. Удовлетворение желания становится главной целью богачей, смыслом жизни, обожествлением собственного «Я» со всеми своими прихотями.

Отношение к жизни изменилось. Если раньше богачи строили роскошные пирамиды, обеспечивали себе доступ в рай, в царство небесное, то есть после смерти, в будущем, то сейчас всё должно совершиться при жизни, в настоящий момент, а главное в момент судорожного желания хотеть (*Now heaven has moved to the here and now*). Наречие времени *now* становится индикатором удовлетворения желания. Либо сейчас, либо никогда. Человека ценят за то, что он может получить за деньги, а не за то, что он ни при каких обстоятельствах не мог бы получить их, если бы не был рожден богатым.

It does not necessarily require any of the nobler human qualities to make money. So the making of money is a kind of equalizer. It becomes natural that a man should be judged by what he can get – money; and not by what he could never in any circumstances get it if he was not born with it [Fowles, 1981 a, p. 120].

В последующих абзацах концепт «богатство» раскрывается средствами градации, которая базируется на взаимодополняющих друг друга концептуальных метафорах.

Lotteries, football pools, bingo games and the rest are the chief protection of the modern rich against the furious of the modern poor. The dictionary calls money 'a medium of exchange'. I call it the human answer to the inhuman hazard that dominates existence [Fowles, 1981 a, p. 119].

Лотереи, футбольный тотализатор, бинго и прочие азартные игры – главная защита современных богачей от ярости современных бедняков. Дж. Фаулз называет деньги человеческим ответом на нечеловеческую случайность, управляющую нашим существованием.

Genius, intellect, health, wisdom, strength of will and body, good look – all these are prizes we gain in the lottery that takes place before our birth. Money is a makeshift human lottery that half compensates those who were unsuccessful in the first cosmic lottery [Fowles, 1981 a, p. 120].

В данном абзаце Дж. Фаулз обращается к истинным человеческим достоинствам (мудрость, сила воли, красивая внешность, здоровье), которые человек выигрывает в космической лотерее, то есть рождается с этим. Концептуальную информацию актуализирует существительное *lottery* 'лотерея'. Неудивительно, что ключевое слово именно

lottery, корень которого *lot* 'судьба, жребий'. В некотором смысле судьба – это жребий, лотерея. Настоящим богатством автор считает ум, красоту, силу воли, здоровье, которые даются человеку свыше, до его рождения, иными словами, это призы, выигранные в космической лотерее.

But money is a poor lottery, since the prizes won in the first prenatal lottery constitute a handsome free issue of tickets for the next. If you are lucky in the first, you are more likely to be lucky in the second [Fowles, 1981 a, p. 120].

Дж. Фаулз разделяет лотереи (судьбу) на две категории: космическая лотерея и самодельная лотерея. *Деньги – это самодельная лотерея*. Если в предыдущих предложениях автор рассматривает деньги как власть, то в кульминации неожиданно для читателя переносит их в другое русло, сравнивая космическую и самодельную лотереи. Здесь автор при помощи метафоры *the prizes won in the first prenatal lottery constitute a handsome free issue of tickets for the next*, выражает свою субъективную оценку. Судьба человека решается в космической лотерее, и, если ему повезло в космической лотерее, то есть, если он одарён умом, красивой внешностью, здоровьем, то, вероятнее всего, повезёт и с деньгами.

Таким образом, в концепте «богатство» автор различает две основные стороны: 1) подлинное, настоящее богатство – красоту, ум, силу воли, здоровье и 2) напускное, фиктивное – деньги.

Дж. Фаулз обращается ещё к одной, более страшной проблеме современного человечества – это монетизация наслаждения, то есть неспособность воспринимать наслаждение иначе, как что-то прямо или косвенно связанное с получением денег или их тратой.

The worst thing is the monetization of pleasure; the inability to conceive of pleasure except as being in some way connected with getting and spending. The invisible patina on an object is now its value, not true intrinsic beauty. An experience is now something that has to be possessed as an object bought can be possessed; and even other human beings, husbands, wives, mistresses, lovers, children, friends, come to be possessed or unpossessed objects associated with values derived more from the world of money than the world of humanity [Fowles, 1981 a, p. 120].

Истинная, реальная красота предмета не важна, важно обладание им. Обладание становится главной целью. Здесь ключевое слово – *possess* 'обладать, владеть', которое употребляется в контексте вместе с деривативами *possessed, unpossessed, possessor*. Все в этой жизни ведёт к обладанию – как можно обладать купленным предметом, даже мужа, жёны, любовницы, любовники, дети, друзья попадают под категорию предметов, которыми человек обладает или не обладает, и ассоциируются они с ценностями, пришедшими скорее из мира денег, чем из мира человечности. Автор сопоставляет два разных понятия: мир денег (*the world of money*) и мир человечности (*the world of humanity*). Сопоставление несёт в себе также иной смысл – здесь подчёркивается превосходство мира денег над человечностью, так как даже мужа, жены, любовницы, любовники, дети, друзья попадают под категорию предметов, которыми мы обладаем или не обладаем. Отсюда следует, что человеческие отношения тоже превратились в денежные отношения.

Употребление одного и того же слова *possess* в разных грамматических формах, с одной стороны, актуализирует концепт «удовольствие», а с другой – «деньги». Обладание – это великое удовольствие. Складывается ассоциативный ряд между лексемами *possess – money – pleasure*. Для того чтобы получать наслаждение, надо обладать, а для того чтобы обладать, надо иметь деньги. Отсюда идёт цепная взаимосвязь между концептами «деньги» и «удовольствие» (*The pleasures that cost nothing come to seem worth nothing. Once we took our good deeds to heaven, now we take our purchases and our expense accounts as heaven*).

В данном абзаце автор специально подчёркивает предлог *to* и союз *as*, которые благодаря глаголу *take* 'принимать, приниматься за что-то' придают существительному *heaven* эмоциональную окраску. Если когда-то человечество принималось за добрые дела *ради* небес обетованных, то теперь оно принимает свои покупки и банковские счета *за* небеса обетованные. Царство небесное переместилось на землю, а удовольствия, которые ничего не стоят, теряют свою привлекательность и кажутся мелочами.

Интересно то, что если в предыдущих абзацах лексема *possess* (в разных формах *possessed or unpossessed objects*) являлась средством отображения действительности, то в кульминации та же лексема (*possess*) служит средством выражения авторской субъективно-оценочной оценки действительности.

It is the possessor who is the possessed. Our mania for collecting not only objects worth money but experiences that have cost money finally make us poor in all but the economic sense [Fowles, 1981 a, p. 122].

Именно обладатель и есть тот, кем обладают (*It is the possessor who is the possessed*). Здесь автор преднамеренно употребляет ту же лексему *possess* в форме существительного *possessor* и причастия прошедшего времени *possessed*. Благодаря эмфатической конструкции *It is ... who is ...* и определённом артикле автор лишает существительное *possessor* 'обладатель' своих полномочий, превращая его в причастие прошедшего времени *possessed* 'тот, кем обладают'. Обладатель, находясь на вершине, опускается на самое дно, становясь тем, кем обладают. В конце концов, именно обладатель есть тот, кем обладают, так как эта мания коллекционировать не только предметы, стоящие денег, но и переживания, стоившие деньги, обедняет человечество во всех отношениях, кроме финансового. Итак, обладатель разоблачён, ведь он считал себя всемогущим, а оказался сам в капкане. Авторская концепция выражается именно в том, что постепенно человек становится рабом своих желаний, если не перестанет обладание считать главной целью.

Концепт, детально рассмотренный в «Аристосе», в рамках одного абзаца обобщается в романе «Волхв». Здесь авторская модальная оценка выражается при помощи концептуальной метафоры *Wealth is a monster*:

Wealth is a monster. It takes a month to learn to control it financially. And many years to learn to control it psychologically. For those many years I lived a selfish life. I offered myself every pleasure. I travelled a great deal. I lost some money in theatre, but made much more on the stock market. I gained a great many friends, some of whom are now quite famous. But I was never very happy. However, in the end I did discover what some rich people never discover – that we all have a certain capacity for happiness and unhappiness. And the economic hazards of life do not seriously affect it [Fowles, 1981 b, p. 411].

Данный абзац можно рассматривать с точки зрения убывающей градации. Кульминацией абзаца является концептуальная метафора *Богатство – монстр (чудовище)*. Концептуальная метафора раскрывается конвергенцией (совокупным употреблением нескольких стилистических приёмов), а именно парцелляцией (*It takes a month to learn to control it financially. And many years to learn to control it psychologically*), инверсией и анафорой (*For those many years I lived a selfish life*). Все они выполняют функцию выделения. Если для того, чтобы научиться контролировать финансы требуется всего лишь месяц, то для того, чтобы научиться психологическому контролю понадобятся многие годы. Богатство – монстр, так как оно может отнять у человека самое дорогое – драгоценные годы, потраченные на то, чтобы понять фальсификацию предназначения денег. Многие считают, что счастье нужно искать в богатстве, в развлечениях, в знакомстве со знатными людьми, однако цель автора – доказать ошибочность данной точки зрения. Постепенно убывающей градацией раскрывается концептуальная метафора Богатство –

монстр. Философская концепция автора выражается и конкретизируется в конце абзаца: люди обладают способностью быть счастливыми или несчастными, однако ни то, ни другое не зависит от материального благополучия (*we all have a certain capacity for happiness and unhappiness*).

Данный абзац частично раскрывает концептуальную метафору *Богатство – монстр*, но многое остаётся недосказанным. Читатель задаётся вопросом, почему автор приходит к такому выводу. Для того, чтобы глубже понять смысл следующих высказываний *But I was never very happy. However, in the end I did discover what some rich people never discover – that we all have a certain capacity for happiness and unhappiness*, необходимо быть знакомым с авторской концепцией, которая высказана в «Аристосе» (*Genius, intellect, health, wisdom, strength of will and body, good look – all these are prizes we gain in the lottery that takes place before our birth. Money is a makeshift human lottery that half compensates those who were unsuccessful in the first cosmic lottery*). Иными словами, мировоззрение автора в целом раскрыто в «Аристосе» и сжато, в рамках одного параграфа, выражено в романе «Волхв».

3. Заключение

Таким образом, языковая и концептуальная картина мира Дж. Фаулза богата аллегориями, иносказанием и, для того, чтобы понять фаулзовскую философию, его уникальное мировидение, следует обратиться к его «автопортрету в идеях», то есть к сборнику философских эссе «Аристос». Ключ к декодированию писаний автора скрыт в «Аристосе». Анализ базовых концептов, актуализированных в «Аристосе», позволяет понять концепцию и когнитивную базу всего творчества Дж. Фаулза.

Анализ концепта «богатство» в романе «Волхв» и книге «Аристос» показал, что для того, чтобы читатель проник в авторское мировидение, понял авторское отношение к данному концепту, который сформулирован в рамках одного абзаца в романе «Волхв», ему необходимо быть знакомым с более расширенным и детальным описанием данного концепта в философском трактате «Аристос».

Итак, в ходе исследования было выявлено, что концепт «богатство» рассматривается Фаулзом в сопоставлении с концептом «бедность». Ядром концептуальной информации являются контрастные по значению глаголы *differentiate* «различать(ся), отличать(ся)» и *similarize* «уподоблять(ся)». Отсутствие денег приводит к «однообразию», а наличие денег – к «разнообразию».

Автору свойственно многократное употребление многозначных слов в одном предложении или контексте. Существительное *pursuit* в рамках одного контекста употребляется и в положительном (стремление), и в отрицательном (погоня) значениях. В результате, бесцельная погоня за деньгами превращается в благородное стремление к разнообразию и безопасности.

Концепт актуализируется благодаря концептуальным метафорам: «Деньги – это потенциальная возможность, контроль над случайностью и доступ к ней, свобода выбора, власть». Фактически, автор передаёт всю мощь, силу концепта «богатство», где его индикатором является лексема *money* – деньги как путь, доступ в земной рай.

Однако, неожиданно для читателя Дж. Фаулз обращается к истинным человеческим достоинствам (приём обманутого ожидания). Настоящим богатством автор считает ум, красоту, силу воли, здоровье.

Дж. Фаулз обращается ещё к одной, более страшной проблеме современного человечества – это монетизация наслаждения. Истинная, реальная красота предмета не важна, важно обладание им. Обладание становится главной целью. Автор сопоставляет

два разных понятия: мир денег (*the world of money*) и мир человечности (*the world of humanity*). Здесь подчёркивается превосходство мира денег над человечностью.

Автор выражает своё индивидуальное отношение к обладанию и находит, что постепенно человек становится рабом своих желаний, если не перестанет считать обладание главной целью. Именно эту информацию в обобщённом виде автор передаёт в романе «Волхв», используя концептуальную метафору «Богатство – монстр (чудовище), который может отнять у человека самое дорогое – драгоценные годы, потраченные на то, чтобы понять всю фальшь денег». Эмоциональный, а также интеллектуальный путь развития индивида по поводу переоценивания жизненных ценностей подробно описывается именно в «Аристосе», а в «Волхве» автор делает лишь небольшое обобщение того, чему был посвящён целый философский трактат.

Таким образом, межтекстовые связи в самом творчестве автора имеют большое значение для целостного понимания авторской картины мира, и «Аристос» является базовым произведением в этой картине.

Список литературы

- Акатова, 2015 – Акатова, А. А. Лексико-аллюзивное наполнение семантических фреймов (на материале Дж. Фаулза) [Текст] / А. А. Акатова // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2015. – № 4 (28). – С. 56–64.
- Аmineва, 2011 – Аmineва, Е. С. Традиция викторианской литературы в творчестве Джона Фаулза [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Аmineва Елена Сергеевна; Дальневост. гос. соц.-гум. академия. – Екатеринбург, 2011. – 25 с.
- Исаакян, 2018 – Исаакян, Е. Дж. Фаулз в метафорическом зеркале [Текст] / Е. Исаакян. – Lap Lambert Academic Publishing, 2018. – 154 с.
- Дроздова, 2015 – Дроздова, М. С. Шекспировские аллюзии и реминисценции в произведениях Дж. Фаулза [Текст] / М. С. Дроздова // Вестник Моск. гос. пед. ун-та. – 2015. – Вып. 18. – № 2. – С. 91–97.
- Руденко, 2017 – Руденко, Ю. В. Специфические черты идиостиля Дж. Фаулза, выраженные интertextуальными приемами, на материале языка романа «Волхв» [Текст] / Ю. В. Руденко // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 172–175.
- Темкина, Залесская, 2017 – Темкина, В. Л. Аллюзивные отсылки в романах Джона Фаулза «Коллекционер» и «Женщина французского лейтенанта» [Текст] / В. Л. Темкина, А. Э. Залесская // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2017. – Вып. 201. – № 1. – С. 8–12.
- Ярыгина, 2013 – Ярыгина, И. А. Природа межтекстовых связей романа Джона Фаулза «Волхв» в аспекте посмодернистской поэтики / И. А. Ярыгина // Вестник Тамбов. ун-та. – 2013. – Вып. 122. – № 6. – С. 137–143.
- Fowles, 1981 a – Fowles, J. *The Aristos* / Revised by the Author [Text] / J. Fowles. – London: Triad Grafton Books, 1981. – 256 p.
- Fowles, 1981 b – Fowles, J. *The Magus* / Revised by the Author [Text] / J. Fowles. – London: Triad Grafton Books, 1981. – 656 p.
- Hyving, C. *John Fowles's theory of The Garden of Eden* [Text]: Master's thesis / Hyving Carin; Luleå University of Technology. – Luleå, 2007. – 103 p.
- Lakoff, Johnson, 1980 a – Lakoff, G. *Metaphors we live by* [Text] / G. Lakoff, M. Johnson // *Language, Thought, and Culture*. – 1980. – N 12. – P. 124–134.
- Lakoff, Johnson, 1980 b – Lakoff, G. *Metaphors we live by* [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
- Halpern, 1999 – Halpern, D. *A Sort of Exile in Lyme Regis* [Text] / D. Halpern // *Conversations with J. Fowles* / ed. by D. L. Vipond. – University Press of Mississippi, 1999. – P. 14–26.

References

- Akatova, A. A. (2015). Leksiko-allyuzivnoe napolnenie semanticheskikh freimov [Lexically Allusive Content of Semantic Frames (Based on the Works of John Fowles)]. *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 4 (28), 56–64.
- Amineva, E. S. (2011). Traditsiya viktorskoy literatury v tvorchestve J. Faulza [Traditions of Victorian Literature in J. Fowles's Works]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Ekaterinburg.
- Isahakyan, H. (2018). *J. Faulz v metaforicheskom zerkale* [J. Fowles in a Metaphorical Mirror]. Lap Lambert Academic Publishing.
- Drozdova, M. S. (2015). Shekspirovskie alljuzii i reminiscencii v proizvedeniyakh J. Faulza [Shakespearean Allusions and Reminiscences in "The Aristos" and "The French Lieutenant's Woman" by J. R. Fowles]. *Vestnik Mosk. gos. ped. un-ta* [Vestnik of Moscow City University. Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»], 18 (2), 91–97.
- Rudenko, J. V. (2017). Spetsificheskie cherty idiostilya J. Faulza vyrajennye intertekstualnymi priyomami na materiale yazyka romana "Volkhv" [Specific features of J. Fowles' idiostyle expressed by intertextual figures used in the novel "Magus"]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. ped. un-ta* [Vestnik of Chelyabinsk State Pedagogical University], 4, 172–175.
- Temkina, V. L., Zalesskaya, A. E. (2017). Alyuzivnye otsylki v romanakh J. Faulza Kolektsioner i jenshina frantsuzskogo leytenanta [Allusions in the novels The Collector and The French Lieutenant's Woman by John Fowles]. *Vestnik Orenburskogo gos. un-ta* [Vestnik of the Orenburg State University], 201 (1), 8–12.
- Yarygina, I. A. (2013). Priroda mezhtekstovykh svyazey romana Dzhona Faulza "Volkhv" v aspekte posmodernistkoy poetikia [Nature of Intertextual Relations of John Fowles's Novel "The Magus" in Aspect of Postmodern Poetics]. *Vestnik Tambov. un-ta* [Tambov University Review. Series Humanities], 122 (6), 137–142.
- Fowles, J. (1981 a). *The Aristos* / Revised by the Author. London : Triad Grafton Books.
- Fowles, J. (1981 b). *The Magus* / Revised by the Author. London : Triad Grafton Books.
- Hyving, C. (2007). *John Fowles's theory of The Garden of Eden*. Master's thesis. Luleå University of Technology.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980 a). Metaphors we live by. *Language, Thought, and Culture*, 12, 124–134.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980 b). *Metaphors we live by*. Chicago and London : University of Chicago Press.
- Halpern, D. (1999). A Sort of Exile in Lyme Regis. In D. L. Vipond (Ed.), *Conversations with J. Fowles* (pp. 14–26). University Press of Mississippi.